

Гамсун и Ван Гог. От быта к бытию.

...в эпоху торжества индивидуального выбора никакой стиль больше не мог быть образцом для художников, каждый из которых выбирал теперь свой путь в искусстве свободно, повинаясь исключительно внутренним свойствам своей души, а не требованиям художественного сообщества...

Википедия.

*Так вот как раз наоборот. Индивидуализм в конце XIX в. стал социально востребован.
Я.*

«Весенняя поэзия шла от этих кусков, выхваченных кончиком кисти и будто бы похищенных у быстротекущего времени» (Бернар о Ван Гоге http://impressionnisme.narod.ru/VAN_GOG/letter_van_gog5.htm).

«Больше всего меня поразили виды Голландии: все это было отчетливо, точно, нервно и полно стиля» (Там же).

И наоборот:

«...ваша живопись не очень-то весела» (Гоген о Ван Гоге. Там же.)

«Общий интерес стоит того, чтобы ему было принесено в жертву эгоистическое правило: "каждый для себя"» (Ван Гог. Там же).

Слова Ван Гога в передаче Гогена:

«Я пробыл у его ложа целый месяц, промывая его раны, умоляя его жить. Он выздоровел» (http://impressionnisme.narod.ru/VAN_GOG/letter_van_gog6.htm).

И ещё раз наоборот?

«...представление о юге, как о чем-то сверхъестественном, что нужно было выразить языком пламени» (Гоген. Там же).

Или разгадка тут?

«...я не мог себе объяснить противоречия, которое существовало между его живописью и его убеждениями» (Гоген. Там же).

И в пример - вангоговское противопоставление шарлатану [Сезанну](#) (вещность, лаконичность, устойчивость, импрессионизм наоборот, континуум Вселенной) [Монтичелли](#) (который предвосхищал «импрессионизм анализом колорита и вибрацией мазка, символизм - эзотерической редкостью эмоций, Ван Гога и фовизм - смелостью тонов и вкусом к пастозности. Вместе с тем он продолжал романтическую традицию, обращаясь к темам, вдохновленным прошлым и легендами»).

И что если Ван Гог был всё же – в живописи – индивидуалистом, а не коллективистом – как в жизни вне живописи?

Этот молниеносно-краткий интернет-экскурс в Ван Гога я сделал из-за чтения романа «Голод» (1890) Гамсуна.

Высветленные краски Ван Гога, понимаемые мною как самообманное приятие вроде бы не зверского на самом деле зверского мира, представлялись мне аналогом самообманного оптимизма героя Гамсуна.

«В сущности, это была великолепная мысль – заложить жилет; ведь у меня ещё останутся деньги на плотный завтрак, а к вечеру будет готова моя статья о роли преступлений в будущем. Мне стало казаться, что жизнь не так уж мрачна, и я поспешил к старику, чтобы избавиться от него».

Это объективно несчастный герой субъективно радуется, что идея подать милостыню существу явно более низкому, чем он сам, привела его к мысли заложить жилет (шло к осени, и ради себя заложить жилет ему в голову не приходило) и тем накормить и себя.

Это человек не от мира сего. Он потому просчёты относительно простой жизни делает, что весь устремлён в метафизическое. Он сверхчеловек. Что ему человеческое! Чтоб доказать, что это не сумасшествие, не изьян какой-то, Гамсун поместил героя в состояние, в котором, казалось бы, немислимо не спуститься «вниз» - в голод. И там он всё же не теряет себя по Гамсуну. Значит, таки сверхчеловек. И нужно не эксплуататорский мир менять, а себя утверждать в аристократизме. С точки зрения героя Гамсуна – продолжать фантазировать и оставаться столичным журналистом. Не стоит прогибаться под изменчивый мир, пусть лучше мир прогнётся под нас. (Макаревич не зря на президентских выборах в России 2012 года принял сторону миллиардера Прохорова.)

Как это негибимое желание прогнать мир под себя совпадает у гамсуновского героя и у Ван Гога в описании Гогена:

«Торопливо входит он к торговцу, продающему "старые железные изделия, картины масляной живописи по дешевым ценам и стрелы дикарей". Несчастный художник, ты отдал частицу своей души, когда писал этот холст, который ты собираешься теперь продать! Маленький натюрморт, розовые креветки на розовой бумаге.

Креветки и мидии. 1886.

"Можете вы мне дать за это полотно немного денег? Наступает срок платежей". - "Ах, черт возьми, друг мой, покупатель становится капризным. Он требует от меня дешевого Милле. А потом, знаете ли вы, - прибавляет торговец, - ваша живопись не очень-то весела. Говорят, что вы талантливы. Что делать, придется вам чем-нибудь помочь. Вот, получите сто су..." И круглая монета прозвенела по прилавку.

Ван Гог взял монету без возражения, поблагодарил торговца, вышел и с трудом поднялся по улице Лепик. А когда дошел до своего жилища, бедная женщина, "вышедшая из Сен-Лазар", улыбнулась художнику, желая привлечь его... Красивая бледная рука показалась на миг из пальто. Ван Гог был любитель чтения. Он подумал о "Проститутке Элизе", и его монета стала собственностью проститутки. Быстро, как бы стыдясь своей доброты, он скрылся, оставшись с пустым желудком».

Так роман Гонкура «Девка Элиза» был о женщине, ставшей проституткой не из-за нищеты, а из-за своей физиологии. Оба, по Гогену: «бедная женщина» и художник, - настаивают на своей самости и достойны восхищения. Вы есть вы и придерживайтесь себя, во что бы то ни стало!

Немного не сходится? У Гамсуна скорняк, а не проститутка. Скорняжное дело – выделка пушных шкур. И у Гамсуна персонаж не настаивает:

«- Скорняк. Впрочем, умею ещё шить сапоги».

Или всё же сходится? Сапожник и скорняк... Велика ли разница? Важно, что герой Гамсуна заметил в просящем денег тень упорства:

«- ... я ещё не нашёл работы.

- Вы ремесленник?

- Да, я скорняк.

- Как?

- Скорняк. Впрочем, умею шить сапоги.

- Это меняет дело, - сказал я. – Погодите-ка здесь минутку, а я сбегаю за деньгами...».

В этих голландских «Креветках и мидиях» Ван Гога нет ещё той светозарности, что осенила его на юге Франции. Есть только недовольство пошлостью. Да, пошлостью. В Голландии, славившейся великими натюрмортами еды, к еде стали относиться, как к чему-то, от чего надо скорей избавиться. Спешка. Всемирная спешка. А мидии с креветками можно сварить за пять минут и съесть. Этот мрак колорита есть отрицание того, что ценили импрессионисты – ценности мгновения. В «Едоках картофеля» этот нюанс ещё сильнее виден. Картофель – чудо-продукт, покончивший с голодом в Западной Европе в принципе. Ну и тьфу на него! Ван Гог головой ещё не знал про себя, что он за аристократизм. Но знало подсознание.

Едоки картофеля. 1885.

В Христиании Гамсуна вообще-то уже тоже невозможен был голод. Там есть сцена, как утром в ратуше сорока бездомным выдают талоны на обед. Герой Гамсуна не получил только потому, что назвался журналистом, вышедшим из дома без кошелька на минутку и потерявшим ключ от квартиры; его устроили переночевать в отдельной комнате в ратуше и утром разбудили и попрощались, а он постеснялся признаться, что тоже бездомный и голодный. Как-то выкручиваться, приспособливаться, - это пошло. Потому что герой – сверхчеловек. Это понимаешь по невероятности всего повествования о нём. Там,

собственно, ничего не происходит. Страница за страницей. Две части книги. Одно только изощрённое убивание времени, пока совершенно нет денег и мучает голод. Минута за минутой, час за часом, день за днём. Трое суток без еды... Ещё трое. А признаться самому себе и кому-нибудь в своём бедственном положении – нет. Ну не без исключения. Срывался раз-два и просил. Неудачно. И раз даже пробовал устроиться счетоводом. С этим связан один символический штрих. Он разрисовывал лист бумаги числом 1848. И случайно это же число поставил вместо даты в письме с предложением взять его счетоводом. За что не был принят, ибо год-то был не тот. А это – год всеевропейской антикапиталистической революции. Понимай, не вздумай отвергать капитализм, если у тебя, сверхчеловека, нет работы.

А всё дело в уходе центра революционного движения из Европы в Россию. Дело в том, что средний класс на Западе, наконец, кое-что получил и успокоился. И западные художники, как ни были материально несчастны, волненс-неволненс должны были считаться с теми, кто посещал художественные салоны, пусть посетители и не покупали картины новаторов. (Ван Гог при жизни продал только одну картину.) Уже импрессионисты, какими бы нищими ни были они, об этой стороне жизни своими картинами молчали.

Что хотел сказать Эдуард Мане в своей картине «Бар Фоли-Бержер» (1882)?

Вовсе не «в лоб» психологическая пощёчина нарисована тут. (Нет, девушка знала, куда поступает на работу. Туда, где принято барменшам принимать предложение переспать. Иначе богатые клиенты сюда приходить перестанут, и хозяин уволит, и где тогда достать работу. Но всё-таки трудно первый раз... Она покраснела до ушей и на секунду унеслась мыслью куда-то далеко-далеко, где она ещё не знала об этой стороне жизни.) Вовсе не пощёчина подло устроенному обществу нарисована. Нет. Импрессионизм – не гуманизм. Потому обычно без людей картины импрессионистов. Эта – некое исключение. И люди здесь – не главное. Главное – прелесть мига жизни. Не богатства, которое – вот: на стойке, за нею (чем не богатство у девушки – её красота). Не

буйство красок, звуков, чувств, которые бурлят в сидящей за столиками толпе. А прелесть мига жизни в принципе. Насколько она, жизнь, ужасна в моральном, скажем, смысле, настолько она ценна как именно неповторимая жизнь. Девушка сегодня чести лишится, так ценна уникальность ситуации, а не возмутительность, что без любви и за деньги или за покровительство.

Покупателю нужно, чтоб живопись была *«весела»*. То есть, чтоб была светла красками. И импрессионисты не то, чтоб подлаживались под запрос оптимизма, а, как бы тайно для самих себя ожесточась на жизнь, находили в ней всё же тот плюс, что она вообще дана – жизнь – и вон, мол, как в ней всё аж дрожит от быстроты её в наступившем империализме. На то и художник, чтоб поступать противоречиво. Это как век спустя в СССР требование социалистического реализма исполнялось довольно непритворно, требование открыть никем ещё не открытую какую-нибудь позитивную социальную тенденцию в жизни. (Вот только перегиб был в названии реализма «социалистический».) – Задача очень трудная и потому интересная для настоящего художника.

Гамсуновский персонаж именно такой, настоящий художник. В третьей части выясняется, что в состоянии вдохновения он не способен себя кормить, вовремя, по крайней мере, даже если у него есть деньги. Далее на него сваливается аж любовь, но предмет его вдохновения, видно, настолько не от мира сего, что и любовь не способна его вдохновлять на творчество. И, чтоб не подумали, что голод для него средство впасть в изменённое психическое состояние, чтоб творить, собственно по сюжету книги голода он больше суток больше не терпит, но творить не может. Сломлен, казалось бы, бесприютностью. А на самом деле – запредельной принципиальностью. Он побеждён этим. Он отказался быть писателем: под конец нанялся юнгой на корабль. Но идеал писателем-неперсонажем обозначен: этот бранный мир плох, и хороша в нём лишь принципиальная возможность эстетического бегства из него – в вечность. Вот результат такого бегства:

«Мои фантазии облечены удивительной, плотной дымкой, сотканной из света и красок».

А вот – предпосылка:

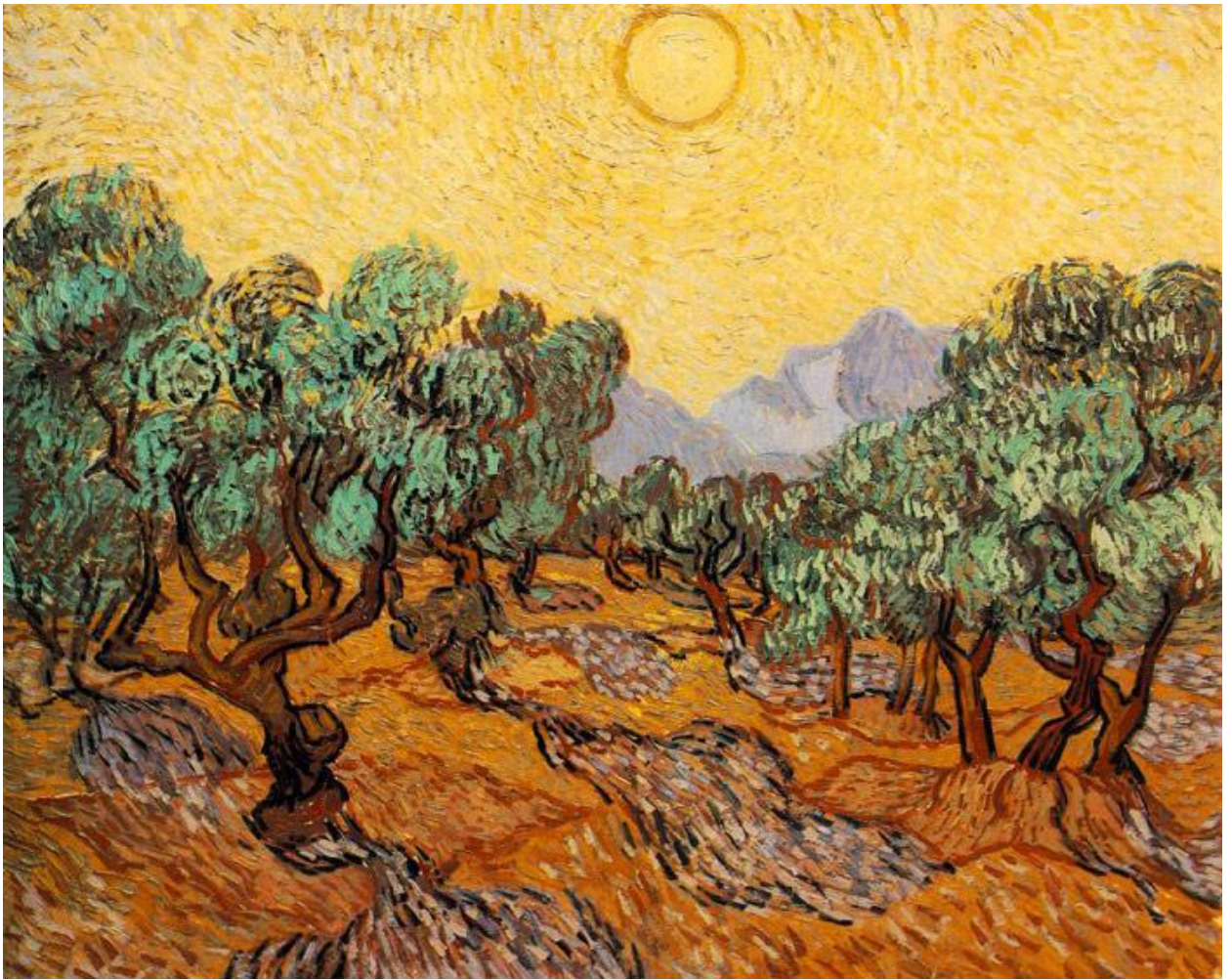
«Всё вокруг было погружено в темноту, стояла тишина, полнейшая тишина. Лишь в высоте звучала вечная песня воздушных стихий, далёкий, монотонный гул, который никогда не смолкает. Я так долго прислушивался к этому бесконечному, тоскливому звучанию, что мне сделалось не по себе; ведь это была музыка блуждающих миров, мелодия звёзд...»

- Нет, это, наверное, дьявольское наваждение, - сказал я и, чтобы ободриться, громко засмеялся».

Сезанновский континуум Вселенной...

Второй отрывок по времени и сюжету – после первого. Второй – это когда герой ушёл спать в лес. А первый – итог вдохновения утром последнего дня в комнате, которую велено покинуть за неуплату. Но ясно, что именно умение так улетать куда-то даёт возможность, прилетая, творить шедевр. Ради такой жизни можно плевать на жизнь обыкновенную. Это – нищестество.

И вот к нему-то и поворачивали мировое искусство в конце XIX века Гамсун и постимпрессионисты. Из отчаяния от пошлости капитализма, подошедшего к открытию массового производства, массового потребления и выхода масс на историческую сцену. Ван Гог – художественной действительностью, **«сотканной из света и красок».**

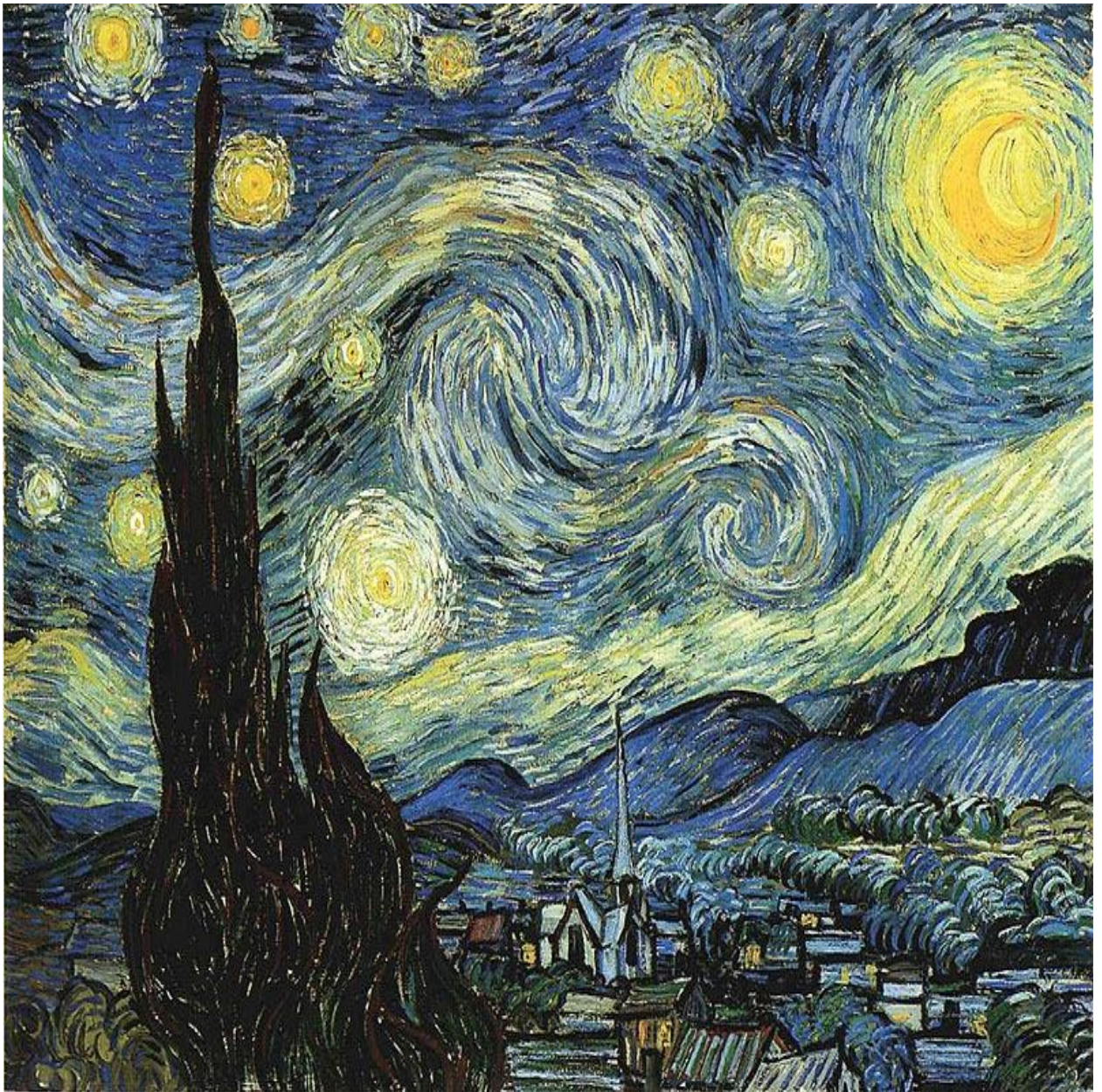

Оливковые деревья с желтым небом и солнцем. 1889.

Такое «в лоб» неподчинение общественному мнению в принципе открывало дорогу приятию антисоциалистического экстремизма. Например, фашизма. Что с Гамсуном, прожившим намного больше, чем Ван Гог, и бывшим лишь на 6 лет его младше, и произошло. Произошло на дороге, так сказать, почвенного аристократизма, заточенного против либеральных ценностей. В том же 1890 году, что и «Голод», Гамсун написал заметку «О бессознательной духовной жизни», рассказав об удивительном случае с собою. И там есть кусок, перекликающийся с выше цитированным из романа:

«...немой беспричинный экстаз, прилив внутренней энергии; способность уловить далёкие сигналы из глубин воздушного пространства и морской стихии, мучительная и изумительная в своей остроте способность воспринимать звуки, позволяющая улавливать даже трепетание неведомых атомов, о существовании которых только догадываешься; внезапное, сверхъестественное проникновение в неведомые царства; предчувствие грядущего несчастья в момент безоблачности - все эти явления имеют огромное значение, но это не способны постичь грубые и примитивные мозги лавочника».

И как это совпадает с зафиксированными Ван Гогом видениями того, возможно, «феномена, из-за которого трясет самолеты, образуются облака и потоки океанических течений».

Звездная ночь. 1889.

А Гамсун продолжал:

«Я знаю одного крестьянина тридцати лет, абсолютно здравомыслящего человека, три года назад застрелившего лошадь соседа только за то, что она искоса взглянула на него. Заметьте: взглянула искоса. Этот человек никак не мог по-иному объяснить свои действия: косой взгляд лошади настолько подействовал ему на нервы, что это буквально свело его с ума. А поскольку он стеснялся открыто выставить столь смехотворную причину, чтобы объяснить, почему он убил чужую скотину, ему пришлось терпеть отношение всех окружающих к его поступку как проявлению самой примитивной злобы. Ну и как, вы думаете, такую личность обрисовали бы в современном норвежском романе? Да так, что была бы ему прямая дорога в жёлтый дом! Этого сильного, пышущего здоровьем человека в жёлтый дом? Я знаю только одного великого психолога, который мог бы запечатлеть эту фигуру; это отнюдь не Достоевский, у которого нормальные люди становятся ненормальными. Это - Гонкур».

Гонкур... Помните? Тот самый, что за проститутство Элизы, раз оно соответствует её естеству.

Но если это – ценность, то и достигать её человечество должно на пути не прогресса, а традиции. И тут была смычка Гамсуна с нацизмом. Его теоретик Розенберг писал:

«Никто из живых художников не изобразил мистическое и природное волевое движение так, как Кнут Гамсун <...> Гамсун в таинственной манере созерцания природы изображает законы вселенной и души <...> Гамсун преодолел мир» (<http://lib.rus.ec/b/112793/read#t1>).

А в некрологе на смерть Гитлера Гамсун хвалил его:

«He was a reforming nature of the highest order» (<http://library.flawlesslogic.com/hamsun.htm>). В переводе: «Он был улучшателем человеческой природы в направлении к её высшему порядку».

Так в эстетике Гамсун числится одним из открывателей модернизма. И можно признать, что тот имеет заслуги перед культурой. От чтения «Голода» невозможно оторваться, хоть, казалось бы, такое непрерывное напряжение, которое переживает герой, невозможно сопережить. Уважаешь себя, прочтя эту книгу: ого, на что я оказался способен! Особенно в первых двух частях ничего не происходит. Как бы апофеоз... застоя!

Но самое любопытное, - если вспомнить о неведомой Гамсуну нынешней угрозе глобальной катастрофы от перепроизводства и перепотребления, от прогресса, если вспомнить о необходимости человечеству от прогресса отказаться, если вспомнить о спасительности традиционализма в этой связи, - так самое любопытное, что в идеологии Гамсун оказывается актуальным. Человечеству ж необходимо радикально улучшиться. И мыслимо это – на пути к коммунистическому принципу: «каждому – по разумным потребностям». Коммунизм теперь надо понимать сопряжённым не с Модерном, как прежде, а с Традицией. И тут просматривается, - если не пугаться, - некое совпадение с нацизмом, нацеленным на почвенничество. И Гамсун оказывается при деле. Человечество таки не выживет, если не изменится – только само, без принуждения, а просто из опасения всеобщей смерти от жажды или жары – если не изменит свою природу в направлении к её высшему порядку. Каждому из нас надо самому себе разрешить в качестве неограниченных только потребности духовные.

20 марта 2012 г.